

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 72 (3101)

Четверг, 18 июня 1953 г.

Цена 40 коп.

ГОРЬКИЙ-ПУБЛИЦИСТ

Новое собрание сочинений Максима Горького близится к завершению. И хотя нет в нашей стране человека, не читавшего «Фому Гордеева» и «Дело Артамоновых», «Макара Чудру» и «Челкаша», «Мещан» и «На дне», не знающего Данко и Буревестника, Павла и Нила, — вновь и вновь обращаются миллионы читателей к знакомым томам, с обложки которых пристально и вдумчиво, словно видит и вчерашний день, и сегодняшние дела, и грядущие годы, смотрит на нас любимый писатель, большой человек своего народа.

Сколько мысли в этом простом лице с опущенными книзу седоватыми усами, с простой прической ежиком, с морщинами большой заботы у глаз! Сколько мыслей — пытливых, беспокойных и настойчивых, в этих книгах, бесстрашно отразивших большую правду жизни!

И теперь, когда рядом с прославленными произведениями в собрание сочинений включены десятки произведений малоизвестных, опубликованных в давние годы и с тех пор не переиздававшихся, весь творческий путь Горького становится особенно ясным, сила его таланта — особенно осязаемой, жизненный подвиг его — особенно отчетливо видимым. Мастер короткого, поэтически романтического или бесопашно реалистического рассказа; острый памфлетист, в совершенстве владеющий разящим оружием сатиры; поэт, сложивший гимны мужественным державам, воспевавший любовь, которая сильнее смерти, счастье, перед которым бессильно горе; драматург, пьесы которого вот уже полвека не сходят со сцены, живут как полнокровные, яркие образцы глубокого раскрытия характеров и сильных жизненных конфликтов; романист, вместивший в свои повествования историю многих поколений и создавший эпические картины русской жизни... И журналист со страстным темпераментом публициста, с острым взглядом наблюдательного очеркиста, с оперативной хваткой репортера...

Четыре тома сочинений Горького будут посвящены его публицистике и устным выступлениям. Пока вышли только два, охватывающие статьи 1895—1928 годов.

Нечего и говорить об огромной ценности такого издания: миллионы читателей с благодарностью прочтут бережно собранные и тщательно сверенные тексты статей своего любимого писателя — от первых фельетонов в «Самарской газете», «Одесских новостях» и «Нижегородском листке» до авторитетных выступлений всемирно известного писателя, к чьему голосу прислушивались во всех концах земли.

С первых своих заметок до последних гневных обращений к зарубежным мастерам культуры с призывом определить свое место в общественной борьбе Горький выступает как непримиримый борец против пустых и продажных душ, против обывательщины и мещанства, против своекорыстия и трусости; выступает как последовательный поборник высоких идеалов служения народу, защиты человеческого счастья, утверждения человеческого прав.

С горечью писал он в первой своей газетной заметке (открывающей нынешнее издание его публицистики) о том, как ничтожна, мелка и труслива буржуазная пресса. А ведь читатели возлагали на нее большие надежды: «Борьба за правду и добро считалась ее назначением, она высоко держала знамя с благородным девизом, начертанным на нем, и если порою впадала иногда в ошибки, то они не ставились публикой в фальшь ей, прессе, группе людей, расходовавших для общества действительно горячую кровь сердца и неподдельный сок нервов».

Такое понимание задач журналиста

присуще Горькому на всем протяжении его деятельности, — и о чем бы ни писал он, в его статьях всегда чувствуются неутомимое биение большого сердца, пламя неподдельной любви и неугасимой ненависти.

С июля 1895 года по апрель 1896 года Горький напечатал в «Самарской газете» свыше 180 фельетонов под общим заглавием «Между прочим». С каким мастерством молодой журналист умел взять маленький, на первый взгляд ничтожный, факт и осветить его большой и умной мыслью!

Вот он описывает обыкновеннейшее вечернее гулянье, когда в Струковском саду «по большой скотопрогонной аллее и по аллее, смежной с ней, густой и медленной волной течет самарская жизнь», когда «прекрасные самарянки» дефилируют «все в бантиках, кантиках и прочих сантиментиках, в аромате духов и в пыли...»

Тончайшим скальпелем иронии вскрывает фельетонист пустоту и никчемность этих «барышень поленьких и барышень худеньких», которым суждено со временем «воспитываться из детей своих мужей, твердых духом, и граждан — благородных, бескорыстных слуг отечеству». И ирония вдруг отступает перед страстным монологом публициста, требующего, чтобы в молодом поколении воспитывались «любовь к родине, стремление к подвигу во имя ее, благородство духа, понятие о чести и о справедливости», и провозглашающего, что «жизнь есть труд» и что «время придет и принесет с собой жестокое наказание тем, которые отосились к жизни невнимательно или легко, холодно или недостаточно активно...»

Сам Горький никогда не относился к жизни невнимательно или легко, холодно или недостаточно активно; об этом ярчайшим образом свидетельствуют его газетные фельетоны. Горько сетует он, что «амплуа фельетониста — очень нелегкое амплуа, скажу я вам: «берешь перо в руку с намерением отметить движение общественной жизни», и «оказывается, что жизнь за истекший день, как и за все ранее истекшие дни года, никуда не подвинулась», «потому что она разлагается». С едким сарказмом говорит он о том, как самарские обыватели обратились к полиции с просьбой уничтожить бродячих собак и что в этой просьбе «даже есть некоторый намек как бы на сознание обывателем своих прав»; «плоды коллективизма, который вызван к жизни собаками».

О той же страстности и активности свидетельствуют и «Беглые заметки» о знаменитой Нижегородской выставке. Горький как бы мимоходом, но весьма решительно заявляет, как «неприятно видеть на художественно-промышленной выставке — выставку изнурительного поеденного труда чернорабочих»; он привлекает внимание читателей к отделу кустарных производств, в котором «показывается доподлинная, оригинальная Россия, самобытно творящая и почти свободная от всяких влияний чужой мысли, и тут же говорит, что работа кустарей должна быть облегчена, что им нужны ремесленные школы...

Это характерно для Горького: всегда думать о человеке, о его жизни, его правах, его будущем. Никакие богатства, выставленные в павильонах, не могли ослепить очеркиста, отвлечь его от заботы о людях: «Наверное, где-нибудь показаны условия добычи руды, приемы ее обработки, жизнь шахтеров...», — писал он. — «Кто они, эти добрые гномы, снабжающие отечество презренным, но необходимым металлом? Как это они делают и как они при этом проживают?»

Специальный очерк посвятил он оловячковой «вопленице» Ирине Федосовой и, высоко оценивая ее мастерство, тут же резко выступил против «ремесленников ис-

кусства» и декадентов, «дающих звуки без содержания».

Активное отношение к жизни, к людям вело Горького и к активной борьбе за искусство, народное, идейное, целеустремленное, против декадентских теорий и декадентской поэзии.

Уже тогда, в далекие дореволюционные годы, он выступил с четкой программой, которая была завершена им уже в советские годы в многочисленных беседах с рабочими, обращениях к деятелям культуры, речах и докладах. Это программа непримиримой борьбы за партийное искусство.

«С точки зрения здравого смысла вам, господа, следует желать, чтобы я в тюрьме сидел возможно чаще и дольше», «ибо мы — враги, и — непримиримые», — писал Горький буржуазным журналистам Франции в 1906 году и добавлял: «Надеюсь, что эти строки вполне точно и навсегда определят наши взаимные отношения».

Действительно, отношения Горького с буржуазной культурой и ее хозяевами определились раз и навсегда еще в очень ранних его статьях. Его знаменитые, высоко оцененные Лениным «Заметки о мещанстве», его статьи о «карамазовщине», его борьба против цинизма и обывательщины — все это разные проявления одной, главной и ведущей линии его идейного развития, отклонения от которой были недолговременны и неглубоки.

Принципиальность Горького-публициста в сочетании с великим его гуманизмом, замечательное его мастерство фельетониста-сатирика, неутомимый его труд очеркиста и критика — все это сделало Горького одним из величайших представителей русской революционной публицистики.

И всегда — с первых своих шагов в литературе — Горький был деятельным общественником, помощником молодых авторов, вдумчивым редактором, чутким и строгим критиком. Эта сторона его деятельности с особенной силой развернулась в послереволюционные годы, но началась она очень давно. Еще в 1910 году Горький написал статью «О писателях-самоучках», в которой тщательно, как исследователь, проанализировал четыреста рукописей «писателей из народа». «В огромном большинстве эти рукописи написаны малограмотно, они никогда не будут напечатаны, но — в них запечатлены живые человеческие души, в них звучит непосредственный голос массы, они дают возможность узнать, о чем думает потревоженный русский человек в долгие ночи шестимесячной зимы», — писал Горький.

Как и во всей работе Горького, так и в его отношении к творчеству писателей-самоучек, а позже рабкоров и селькоров, всегда были две стороны: жадность художника к глубокому познанию человеческих душ, характеров, мыслей и стремление действительно помочь выявлению и росту народных сил и талантов.

В 1914 году, выпуская первый «Сборник пролетарских писателей», Горький в предисловии писал: «...возможно, об этой маленькой книжке со временем упомянут как об одном из первых шагов русского пролетариата к созданию своей художественной литературы». «Я крепко убежден, что пролетариат может создать свою художественную литературу...»

В создании этой литературы — всей революционной литературы мира — роль Горького неизмерима. И он является не только учителем мастеров, не только великим художником, — он является достойным подражания тружеником и общественником, для которого — от первой газетной заметки до последней написанной строки — печатное слово было боевым и благородным оружием.